

ФЁДОРОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

*депутат Моссовета 21-го созыва
(избирательный округ № 25),
секретарь постоянной комиссии
по культуре, искусству
и охране исторического наследия*

ВЫБОРЫ В МОССОВЕТ 21 СОЗЫВА. МОЯ ИСТОРИЯ

В конце 80-х годов прошлого века мало кто осознавал масштаб происходивших общественных процессов, да и сегодня далеко не у всех есть ответы на все вопросы. Поэтому постараюсь показать читателям то время через призму своей личной истории.

Начну с того, что в политику я попала, как и многие в те годы, в значительной степени случайно. Хотя слово «политика» применительно к депутатам тогда ещё не использовалось, поскольку в стране не существовало разнонаправленных политических сил. Произошло это в 1987 году, когда меня по рекомендации собрания сотрудников научного института, где я тогда работала, выдвинули, а потом избрали в Бабушкинский районный Совет народных депутатов города Москвы.

По образованию я психолог, окончила факультет психологии МГУ, работала там несколько лет, потом окончила аспирантуру во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эстетики и осталась там по распределению на работу. Именно туда в 1987 году пришла разрядка то ли от райкома, то ли от исполкома: выдвинуть в депутаты райсовета женщину, до 35 лет, беспартийную. Все отделы института таких женщин подобрали, и на общем собрании большинство сотрудников проголосовало за меня. Причины для этого были: в те годы мы с мужем активно занимались авторской песней, много ездили по стране, выступали, давали интервью, были, что называется, на виду и на слуху. Были несколько раз на БАМе, после аварии на ЧАЭС в мае 1986 года выступали в Чернобыльской зоне, участвовали в Днях культуры Москвы за рубежом.

Поскольку я неожиданно для себя оказалась представителем власти, было интересно изучить, как там все устроено. Тогда уже во всех СМИ неприкрыто ругали советский строй во всех его проявлениях. Мы тоже в своих песнях и стихах того времени немало потрудились над его осмеиванием. Сейчас это кажется довольно странным, но многие наши песни протестно-сатирического жанра, запрещённые цензурой, мы тем не менее годами спокойно исполняли со сцены и экрана. В течение 10 лет мы, как могли, «шатали» режим, а он даже не сопротивлялся!

Социальная активность, связанная с занятиями авторской песней, пробудила любопытство и желание узнать – а насколько обоснована наша критика власти? И вообще – как она, эта власть, устроена?

Поэтому к участию в выборах я была морально готова. Но не готова была честно признать результаты этого эксперимента. Потому что увидела то, что никак не вписывалось в мою прежнюю картину мира. Проще говоря, я зауважала советскую власть, столкнувшись с ней близко.

Во-первых, сама процедура выдвижения в районный Совет оказалась вполне демократичной. Во-вторых, большинство избранных в районный Совет депутатов оказались беспартийными и вдобавок очень достойными людьми. В-третьих, существовал жёсткий, но очень эффективный порядок прохождения инициатив депутатов: через территориальную депутатскую группу, профильную комиссию и решение сессии райсовета. Например, мои избиратели требовали закрыть находившиеся в моем округе винный магазин и вытрезвитель. Чтобы добиться этого, пришлось провести рейды, экспертизы, доказать своим коллегам из территориальной группы обоснованность и справедливость этих требований, потом, уже с их поддержкой, выносить этот вопрос на более высокий уровень, и так – до включения этого вопроса в перечень наказов избирателей.

А дальше – самое интересное. Если вопрос включался в список наказов, за его решение уже можно было не беспокоиться, все происходило почти автоматически. Так я своими глазами увидела механизмы работы советской власти.

Кроме территориальной группы, депутат работал в одной из профильных комиссий. Мне досталась комиссия по социалистической законности. Её работа заключалась в плановых и внеплановых проверках работы разных объектов и организаций – и общежитий, и предприятий, и органов управления. Запомнилось, что трижды проверяли районный отдел учёта и распределения жилой площади и все три раза писали представления на увольнение его руководителей. И – да, их увольняли.

Депутатская работа проходила без отрыва от основной работы, не оплачивалась, при этом требовала много времени, но в институте мне шли навстречу и не придирались к частым отлучкам. Но контролировали: периодически я должна была отчитываться о депутатской работе перед коллегами. Все логично: выдвинули – несут ответственность.

Отчитываться тогда приходилось и перед жителями своего избирательного округа, и перед коллегами в райсовете. Контроль за работой депутата был всесторонний. До сих пор храню решение сессии райсовета, в котором сказано, что коллеги из мандатной комиссии проверили мою работу и признали её хорошей.

Работать было интересно, я старалась изо всех сил и без ложной скромности могу сказать, что сделала немало полезного для своих избирателей. Заодно старалась понять, как устроены органы власти, где кончаются полномочия советской власти и начинается ужасная диктатура КПСС, о которой в ту пору кричали из всех утюгов.

Так вот: на своём уровне ответственности я эту диктатуру не обнаружила. Более того, когда некоторые мои инициативы и жалобы оставались без внимания соответствующих органов, скажем, прокуратуры, я наносила визит первому секретарю райкома КПСС – и вопрос чудесным образом решался. Заметьте, будучи беспартийной! Однажды меня приятно удивило, что большой начальник в Мосгорисполкоме принял меня без очереди, хотя в его приёмной дожидались очень важные и узнаваемые люди. Просто работал закон о беспрепятственном доступе депутатов в любые организации, к любым руководителям. Сейчас это может показаться фантастикой.

Обо мне стали писать московские газеты как о депутате новой формации, но, по сути, я просто реализовала все права, которыми наделило депутатов советское законодательство. Права были по-настоящему большие. Позже, работая уже депутатом Моссовета в новой политической реальности, я с тоской вспоминала об этом и мечтала, чтобы у депутата Моссовета была хотя бы десятая доля этих прав. По сути, в новом Моссовете у нас было одно право – выступать у микрофона. Выступай сколько хочешь, хоть обкричись – делу это никак не поможет. Управленческие механизмы были уже разрушены. Но это я забежала немного вперёд.

Через два года, в 1989 году, были объявлены выборы в Верховный Совет РСФСР, Моссовет и районные Советы. Наша территориальная группа из 11 районных депутатов по результатам работы рекомендовала меня для избрания в Моссовет от данного округа. Такая рекомендация дорогого стоила: в группу входило несколько руководителей крупных предприятий, знаменитая актриса и впоследствии моя добрая подруга Наталья Варлей. Они же оказали мне большую помощь на выборах, за что всегда им буду благодарна.

В бюллетене значились 4 кандидата, в том числе те, за которых призывали голосовать лидеры популярной тогда оппозиционной партии «Демократическая Россия» – Гавриил Попов и Сергей Станкевич (листки с этими призывами висели на дверях всех подъездов). Надо сказать, что вступать в Демроссию я не спешила, как в своё время в КПСС. Те персонажи от этой партии, которые действовали у нас в районе, выглядели неубедительно – пустыми демагогами, которым важно было под любым предлогом вывести людей на улицу, а совсем не решить их насущные проблемы. Поэтому в фаворитах у новой нарождающейся власти я не была. Помогли избиратели – два года плотной и активной работы на округе не прошли даром. Заодно они повторно избрали меня депутатом Бабушкинского райсовета – для гарантии, что я от них никуда не денусь. Тогда законодательство позволяло такие фокусы. Так я оказалась одновременно депутатом Моссовета и Бабушкинского райсовета.

Многие считают выборы 1989 года вершиной демократии в нашей стране: высокая явка, альтернативные кандидаты, отсутствие административного ресурса. Но, если взглянуть на механизмы выдвижения (отсутствие каких-либо фильтров, ответственности за выдвигаемого кандидата, слепое

следование советам лидеров оппозиции) и проанализировать результаты работы этих органов власти, то приходишь к печальным выводам: именно в годы работы этих депутатов мы потеряли страну, экономику и надежду на справедливое устройство жизни. Заплачена слишком высокая цена за мечты о демократии!

Хорошо помню ощущение полного бессилия и невозможности противостоять политическому катку под названием «демократизация». Ну, ладно – большинство людей, выросших при социализме на идеалах справедливости, простодушно поверили в светлое капиталистическое завтра и абсолютно некритично шли на поводу у идеологов рыночных преобразований. Но очень удивляло и то, что коммунисты, которых в Моссовете было немало, играли в поддавки с новой властью и большей частью имитировали политическую борьбу. За что получали потом посты в исполнительной власти.

В этих политических играх первой пострадала мораль. Помню, как меня буквально потряс доверительный разговор с одним видным функционером «Демократической России», полковником милиции. Я пыталась достучаться – понимают ли они, что бросают в топку реформ жизни миллионов граждан – военных, учителей, врачей, инженеров, пенсионеров? Понимают ли, что от реформ выигрывают только криминальные структуры? На что он сказал: «Да, понимаем. При этом моя задача как правоохранителя состоит в том, чтобы никакого криминала не замечать и обеспечивать ему свободу рук, а твоя задача как работника культуры – сделать из этих бандитов приличных людей, опору новой власти».

Поэтому считаю справедливым и закономерным, что «демократически избранные» Советы – носители этой людоедской новой морали – пали жертвами этой морали одними из первых.

Сегодня мы сказали бы обо всем, происходившем тогда: «Ба! Да это же типичная цветная революция, со всеми её атрибутами!» Увы, это понимание пришло только спустя 30 лет. А тогда мы крутились внутри этого бешеного водоворота, в угаре революционных перемен, и большинство из нас просто старались, по мере сил, упорядочить этот хаос, снизить его разрушительную силу и найти в нем хоть что-то созидательное.

О структуре Моссовета и не только

Выборы в Моссовет 21-го созыва состоялись в марте 1990 года и проходили в два тура. Явка была 64,4% и 57,8% соответственно. Избрано было 472 депутата, из которых впоследствии около половины стали работать в Моссовете на постоянной основе, то есть получать зарплату. Тогда любой депутат по желанию мог перейти на постоянную работу в Моссовет.

С 16 апреля до 6 июля 1990 года, почти три месяца, продолжалась первая сессия нового созыва. Заседания объявлялись почти ежедневно, но часто срывались из-за отсутствия кворума. С первых дней работы всем стало понятно, что структура оказалась громоздкая и неработоспособная. У 2/3 избранных депутатов опыта работы в госорганах не было, зато амбиций и митинговых привычек было в избытке. Многие депутаты часами не отходили от микрофона, превращая заседания в состязания в эрудиции и красноречии.

Работой руководил Оргкомитет из 42 человек, который худо-бедно, с большими издержками продирался через эти потоки сознания и продвигал повестку: создал рабочие группы по регламенту, по структуре Моссовета, по временному статусу депутата, пресс-центр, редакционную группу и другие. Был введен пост председателя Моссовета (им стал Г.Х. Попов), избраны его заместители (С.Б. Станкевич и Н.Н. Гончар), созданы постоянные комиссии, утверждено временное положение о статусе депутата, председателем Исполкома Моссовета избран Ю.М. Лужков. Утвердить структуру Исполкома и избрать его членов не успели, чем существенно затормозили работу исполнительной власти.

6 июля 1990 года, закрывая последнее 30-е заседание 1-й сессии, Н.Н. Гончар резюмировал: «Если мы не организуем работу Совета, мы никакие вопросы не решим». К тому времени газеты уже откровенно смеялись над Моссоветом, его недееспособностью и вечной говорильней. Помню такой заголовок: «Сессия Моссовета – митинг или балаган?» Но правда состоит и в том, что уже были запущены планы ликвидации Советов как пережитка социализма. В рыночную концепцию Советы, с их огромными распорядительными, законодательными и контрольными полномочиями, никак не вписывались.

Общей хаотизации в работе Моссовета способствовала также наступившая многопартийность. Были зарегистрированы 4 депутатских блока: «Демократическая Россия» (281 человек), «Москва» (94 человека), «Независимые» (49 человек) и «Отечество» (12 человек). Одновременно с этим были зарегистрированы 19 депутатских фракций и групп, а кроме них, почему-то действовали ещё и ряд незарегистрированных. Таким образом, машина для голосования была полностью в распоряжении блока «Демократическая Россия», и выражалось это в том, что один из функционеров стоял на балконе зала заседания и дирижировал голосованием. Формата электронного голосования тогда ещё не было.

Отныне тебя встречали «по одежке», то есть по твоей блоковой или партийной принадлежности. При избрании руководства профильных комиссий или включении депутата в разные межведомственные комиссии этот фактор стал решающим.

В результате наблюдений и размышлений, о которых я писала выше, я записалась в группу «Независимые», к представителям которой все относились достаточно терпимо, где собрались симпатичные мне люди и никто не принуждал ходить строем и голосовать по указке. Таких, как я, растерянных и политически неприкаянных, было 35 человек.

Депутат мог состоять в нескольких профильных комиссиях, но только в одной получал зарплату. Поэтому я записалась в комиссию по культуре, искусству и охране исторического наследия – как основную, а также ещё в две комиссии: по делам инвалидов и по благотворительности. Тематика комиссии по культуре была близка мне профессионально. Кроме того, большинство членов этой комиссии входили в группу «Независимые», и я не ожидала в ней яростных политических баталий.

На постоянной основе в комиссии работали 13 человек, а всего в ней состояли 33 депутата. Среди членов комиссии было несколько художников, актёров, историков, даже знаменитый путешественник и телеведущий Юрий Александрович Сенкевич. Я была единственной женщиной в комиссии, поэтому меня сразу, задолго до избрания председателя и его зама, практически принудительно избрали ответственным секретарём – была такая должность. На меня свалилась большая работа по организации всех сторон деятельности комиссии: помещения, рабочие места, оборудование, документооборот, обращения граждан и многое другое. Первое время комиссия располагалась в помещении многоэтажного здания-книжки на Новом Арбате, и однажды вечером я так там засиделась, что пришлось звонить по телефону 02 и вызывать милицию, чтобы меня вывели из огромного запертого здания.

Через месяц или два, не помню точно, избрали, наконец, председателя комиссии: прекрасного, обожаемого всеми человека – Ушакова Александра Ивановича⁷⁴¹, заслуженного артиста РСФСР, который все три года нашей совместной работы больше заботился о моральном климате в коллективе, чем о политической благонадёжности его членов. В настоящее время он возглавляет общественную организацию «Наследие Моссовета».

Со временем в комиссии появился аппарат из 4 человек: Юрий Лихачёв, Владимир Ивановский, Людмила Потапова и Нина Фёдорова. Все они работали, без преувеличения, самоотверженно. При таком количестве депутатов в комиссии, каждый из которых претендовал на приоритетное внимание к своим проектам и документам, от сотрудников аппарата требовалось очень много такта и терпения. Часто приходилось буквально грудью защищать наших сотрудников от бесцеремонной эксплуатации со стороны депутатов. Здесь надо добавить, что большинство депутатов даже пишущей машинкой пользоваться не умели, не говоря уже о компьютерах. Машинок на комиссию было всего штук пять, по числу рабочих кабинетов, а компьютеров – всего два, у председателя и у меня. Поэтому к тем, кто умел печатать, включая меня, выстраивались огромные очереди.

До сих пор с ужасом вспоминаю, как тяжело приходилось сотрудникам Аппарата Моссовета! Тот напор депутатов, который я наблюдала у нас в комиссии, на уровне центральных служб приобрёл невообразимые масштабы. Больше всего доставалось, насколько помню, копировально-множительному бюро, потому что число воззваний, заявлений и других документов, с которыми депутаты непременно хотели всех ознакомить, превышало все разумные пределы.

⁷⁴¹ Ушаков Александр Иванович был избран председателем постоянной комиссии по культуре, искусству и охране исторического наследия 3 декабря 1990 года.

Хочу отдельно сказать о двух замечательных женщинах – сотрудниках нашей комиссии. Людмила Алексеевна Потапова, искусствовед, пришла к нам с должности помощника Министра культуры РСФСР, и её знаниям в области управления культурой цены не было. Нина Васильевна Фёдорова, астрофизик по профессии, оказалась чуть не единственным сотрудником, кто умел обращаться с компьютером, и уже тогда, до появления интернета, она писала алгоритмы по документообороту, разрабатывала первые сетевые структуры Моссовета, а впоследствии, уже в Мосгордуме, стала автором и разработчиком целого ряда автоматизированных систем обработки информации. Прошло уже тридцать лет, но я с благодарностью вспоминаю работу с этими прекрасными женщинами.

Возвращаясь к работе Моссовета в целом, должна признаться, что многих вещей, происшедших там, я не понимала тогда, как не понимаю и сейчас.

Например, тот факт, что мандатная комиссия сообщила: около 60 депутатов находятся на учёте в психоневрологических диспансерах. Это было принято всеми как данность. Но именно эти люди ежедневно подрывали репутацию Моссовета и блокировали его работу. Нередко депутаты впутывались в криминальные истории, а иногда и в прямые потасовки. Помню, как один депутат вышел из кабинета Лужкова с окровавленными руками. Оказалось, что они в пылу спора таскали друг друга за грудки, и депутат поцарапался о значок на лацкане пиджака вице-мэра.

В период, когда председателем Моссовета был Г.Х. Попов, его помощники из числа депутатов сами решали, какие депутатские запросы отправлять адресатам, а какие – нет, и большую часть из них выбрасывали в помойку.

Постепенно происходила деградация и поляризация депутатского корпуса, и совсем не из-за партийной принадлежности, а из-за более глубоких и сущностных причин. Кто-то принимал новую, насильно внедряемую идеологию наживы любой ценой, кто-то – нет. Водораздел проходил именно здесь.

Показательно, что 3 октября 1993 года за оказание сопротивления в СИЗО ГУВД Москвы на нарах рядышком оказались депутаты самых разных политических окрасок – от коммунистов до правозащитников и членов общества «Мемориал». В то время как другие депутаты этими посадками руководили. Каждый выбирает для себя, как сказал поэт. Так что обстановка была, мягко говоря, своеобразной.

Но при этом у каждого депутата был широкий выбор возможностей и направлений для приложения своих сил. Многие предпочли работу в избирательном округе, с людьми, которым тогда приходилось ой как несладко. Сначала Москву накрыл дефицит продовольствия и товаров, были введены талоны и карточки. Потом, после денежной реформы, дефицит постепенно сошёл на нет, но у людей банально не стало денег. Поэтому все формы благотворительности, которые мы тогда развивали, были очень своевременными.

Например, активисты моего избирательного округа прочесали квартиры двадцати многоквартирных домов, входивших в округ, и переписали жителей, которые жили там без прописки и поэтому не получали продуктовые талоны и карточки по месту жительства. Тогда это грозило реальным голодом. Для таких жителей были организованы бесплатные пункты питания и раздача продовольствия. К этой работе были подключены советы ветеранов, организации детей-инвалидов и многодетных семей. Моей задачей было обеспечить бесперебойную доставку продовольствия и других видов помощи.

С группой депутатов мы создали первую в Москве благотворительную организацию – Московский дом милосердия. Наладили поставки гуманитарной помощи, в основном из-за рубежа, контролировали её поступление и распределение. При этом нередко случались стычки с исполнительной властью, когда эту помощь большими партиями – контейнерами, товарными поездами – «уводили» прямо из-под нашего носа. Результаты своих депутатских расследований мы оглашали с трибуны Моссовета и посылали в прокуратуру, но виновных, разумеется, никто не искал и не наказывал.

Чтобы легче было представить степень тогдашней разрухи и дефицита всего, приведу два примера из своей депутатской работы. Первый – анекдотичный. Однажды на приём пришёл дядечка, ра-

зулся и продемонстрировал мне свои чистые, но рваные носки. Потом показал том переписки с разными организациями на тему, где бы ему можно было приобрести новые носки. Смысл ответов – нигде. Делать было нечего: из запасов моего мужа я достала несколько пар носков и послала ему по почте.

Второй случай грустный. Приходит ко мне на приём ветеран с орденами, кладёт на стол посылку из гуманитарной помощи и говорит: «Заберите ваши фашистские подачки!». Но уже через месяц тот же ветеран приходит и говорит: «Извините, погорячился! Прикрепите меня снова к пункту раздачи, пожалуйста!» Такие эпизоды по-настоящему рвали душу.

Все годы работы Моссовет 21-го созыва лихорадило и заносило на исторических поворотах

Г.Х. Попов со своими сподвижниками неприкрыто вёл курс на ликвидацию в Москве райсоветов и Моссовета, на создание неподконтрольной никому исполнительной власти со сверхполномочиями. Моссовет с переменным успехом сопротивлялся. В этой борьбе отражалась схватка за власть федеральных структур – Верховного Совета РСФСР и Президента Б.Н. Ельцина.

В апреле 1991 года Верховный Совет утвердил структуру управления города Москвы, где вводился пост мэра с ограниченными полномочиями и подконтрольностью его Моссовету. Параллельно с этим в апреле-августе того же года Ельцин выпустил ряд указов, наделявших мэра Москвы практически неограниченными полномочиями. Неконституционность этих указов была признана Конституционным судом, но никому не было до этого никакого дела.

В итоге мэр Г.Х. Попов и вице-мэр Ю.М. Лужков плюнули на формальности и стали принимать единоличные решения по всем вопросам городской жизни. В сжатые сроки, за 2-3 месяца, без каких-либо обсуждений Москва была основательно перекроена. Появились муниципальные районы, административные округа, префекты, были ликвидированы районы и их управленческие структуры. Создано Правительство города Москвы во главе с вице-мэром Ю.М. Лужковым. Свёрнуто муниципальное жилищное строительство, жилищный фонд изъят из собственности города. Из трёх миллионов квадратных метров жилья к очередникам (750 тысяч семей) попала одна пятнадцатая часть – чуть больше 200 тысяч квадратных метров. От депутатов скрывались доходы и расходы городского бюджета.

К тому времени, когда в мае 1992 года вступил в действие долгожданный закон «О статусе столицы РФ – Москве» и указы президента о сверхполномочиях мэра потеряли силу, реорганизация в московских структурах власти была практически завершена и, как говорится, «фарш было невозможно проверить назад».

Эта лихорадочная поспешность объяснялась тем, что в стране начиналась приватизация государственности и проводить её под бдительным оком законодательной власти желающих не было.

Таким образом, лишившись по факту разом своих законодательных и распорядительных полномочий, Моссовет был вынужден сосредоточиться на последних оставшихся – контрольных. Погоревав, приняв десяток гневных заявлений и обращений, Моссовет приступил к детальному анализу программ приватизации, проектов бюджетов и т.д. Хотели наладить конструктивное сотрудничество хотя бы в этих вопросах. Но не тут-то было: Лужков и его подчинённые просто игнорировали Моссовет, не являлись на заседания, не предоставляли документы. Моссовет дважды выражал ему недоверие, обращался в прокуратуру, пытался объявить новые выборы мэра – результата не было. Это был, по сути, коллапс представительной власти.

Небольшим утешением депутатам послужило то, что в июне 1992 года указом президента «по личной просьбе» был отправлен в отставку мэр Гавриил Попов. Не исключено, что здесь сработали многочисленные заявления и обращения Моссовета, что мэр «игнорирует законы и Конституцию, развалил систему управления Москвы, проводит сомнительные сделки с инофирмами по сдаче в долгосрочную аренду зданий и территорий города Москвы». Факты прилагались. Но пришедший на смену Попову Лужков оказался верным продолжателем его дела.

Несмотря на постоянную политическую турбулентность, Моссовет 21-го созыва принял десятки и сотни решений, по которым и сейчас живёт Москва и которыми он с полным правом может гордиться.

Бывали в нашей бурной депутатской жизни и минуты счастливого единения с мэрией, когда почти без дискуссий принимались решения, касающиеся жизни и благополучия москвичей.

Это и бесплатная приватизация квартир, и бесплатный проезд на городском транспорте для пенсионеров, и предоставление москвичам земельных участков, и учреждение праздника «День города». Это возвращение верующим храмов, возвращение исторических наименований улицам и площадям, разработка и принятие одной из лучших в мире систем социальной защиты, введение разнообразных мер социальной поддержки москвичей, принятие перечня льготных категорий жителей, создание сети организаций гуманитарной помощи, бесплатное посещение музеев, разработка и принятие Герба Москвы, создание десятков новых музеев и театров, прекращение работы ядерных реакторов в городе, принятие экологической программы, учреждение Дня славянской письменности, помощь Черноморскому Флоту в Севастополе и многое-многое другое, что существует в нашем городе уже больше 30 лет и что воспринимается москвичами как само собой разумеющееся.

Неправильно было бы думать, что политические баталии занимали все время и все мысли депутатов. Нет, народ собрался по большей части молодой, творческий, креативный. Жизнь была ключом. Вездесущие депутаты постоянно раскапывали какие-то городские проблемы, которые мы решали всем миром, проявляя смекалку, образуя временные тактические союзы и группы.

Мы часто ходили на митинги, не особо вдаваясь в их политический смысл – просто для того, чтобы шеренгой депутатов отгородить протестующих от ОМОНа. Помню, как однажды в такой шеренге у меня порвалась и слетела с ноги босоножка, и я гордо продолжала шагать по Манежной площади босиком.

Иногда даже возникало ощущение, что ты партизан в тылу врага.

В августе 1991 года в разгар «путча» ГКЧП в Москве были незаконно снесены несколько памятников деятелям советской власти, в том числе перемещён памятник Феликсу Дзержинскому. Чтобы узаконить эти действия задним числом, руководство города создало межведомственную комиссию по демонтажу памятников тоталитарному режиму. Я входила в эту комиссию.

Сразу скажу, что оправдать и обосновать снос памятника Дзержинскому комиссия отказалась. Напротив, депутаты, в том числе и я, направили несколько десятков запросов в Прокуратуру Москвы о совершенном акте вандализма. Хотя все прекрасно знали подробности этого демонтажа и перемещения. В тех условиях (помните, я говорила про революционный каток?) мы могли только позаботиться о сохранности памятника и создании на месте его временного пребывания достойных условий. Так в Москве появился новый музейный комплекс «Музеон».

Поначалу комиссия была завалена сотнями предложений о сносе памятников, доносами на них и их авторов. Например, писали так: «Просим прийти и проверить памятник у нас в сквере. Нам кажется, что он похож на Павлика Морозова». Были даже скульпторы и архитекторы, просившие снести их творения на том основании, что они созданы под давлением советской власти и являются малохудожественными. Но по мере того, как комиссия определяла правила игры – что сносить можно только с разрешения коллективов тех организаций и предприятий, на территории которых они установлены, только за счёт инициаторов сноса, только малохудожественные экземпляры и т.д., – революционный пыл мало-помалу угас.

Помню, как несколько раз я с каменным лицом озвучивала перед прессой решения этой комиссии и зачитывала список памятников, якобы признанных малохудожественными и предназначенных к сносу. Негодованию прессы, особенно зарубежной, не было предела, она называла московские власти варварами и дикарями. Пострадал и мой светлый образ, конечно, но результат оказался важнее: сносы прекратились, комиссию распустили.

Настоящей катастрофой для многих культурных учреждений Москвы стала кампания по передаче храмов верующим. Дело в том, что в московских храмах в советское время располагались небольшие киностудии, репетиционные залы, музейные архивы, выставочные площадки, творческие мастерские. А раззадоренные своими батюшками верующие бесцеремонно вламывались практически с вилами в эти помещения и выкидывали оттуда оборудование, декорации, музыкальные инструменты, архивы, музейные экспозиции. В комиссии по урегулированию этих споров я представляла интересы организаций культуры: пыталась привести в чувство верующих, найти подходящие помещения «бездомным» культурным учреждениям и так далее.

К сожалению, успехов на этой ниве было мало. Так Россия потеряла на многие годы оркестр «Виртуозы Москвы», музыкантов которого вместе с инструментами верующие выкинули из храма Большого Вознесения у Никитских ворот. После этого «выселения» оркестр по приглашению короля Испании эмигрировал туда в полном составе, где и получил все необходимое для жизни и творчества.

Передача храмов носила все черты революционной кампанейщины, её условия и правила были разработаны из рук вон плохо. Сразу после опубликования списков передаваемых храмов (их было 256), в комиссию потянулись вереницы священнослужителей, церковных старост и других представителей религиозной общественности – как подлинных, так и мнимых.

По принятому тогда Положению храмы, бывшие госсобственностью, передавались некоей «общине» храма. В качестве представителей «общины» иногда заявлялись весьма мутные типы, явно не имевшие к религии никакого отношения. Среди депутатов Моссовета были священники, на которых и возложили обязанности по выявлению таких фальшивых и подставных священнослужителей. Но и нам, простым членам этой комиссии, иногда доставалось по первое число. То нас громогласно проклинали, то благословляли, то караулили за всеми углами... Скучно в этой комиссии не было!

Никогда больше я не видела столько суетных батюшек одновременно, как в этой комиссии. Помню, вхожу я в рабочий кабинет, а там сидят аж три священника разных православных церквей: Московского Патриархата, Русской Православной Церкви Заграницей (она так называется, ошибки нет) и Русской Катакомбной Церкви. И все трое претендуют на одно здание храма! И грозятся проклятием, если не получат его! И доказывают, что их церковь больше других пострадала от советской власти! Слава богу, что от меня, рядового члена комиссии, сие не зависело, и опекала я в данном случае – и по должности, и по зову сердца – как раз обиженную церковниками творческую интеллигенцию. Просто кто-то над нами всеми некрасиво подшутил, направив всех троих одновременно ко мне.

Были случаи, когда при передаче зданий католических храмов приходило несколько конкурирующих групп верующих-католиков: поляки, немцы, литовцы. По каким принципам принималось решение о передаче храма той или иной группе, мне до сих пор неизвестно. Хотя можно догадаться, учитывая новые принципы работы чиновников, провозглашённые Г.Х. Поповым.

После того, как в некоторых переданных храмах появились рестораны, бордели и другие увеселительные заведения, Положение о передаче было пересмотрено в разумную сторону: получателем имущества объявлялась крупная религиозная организация, способная нести юридическую ответственность, например, Русская Православная Церковь. Но было уже поздно: некоторые храмы были захвачены влиятельными криминальными структурами, и московские власти боялись подойти к ним близко ещё много-много лет.

От рук криминала нередко гибли священники. Одного из них я хорошо знала – отец Алексей Грачев, светлый и добрый человек, в прошлом прекрасный врач-педиатр, отец троих детей. По заданию Церкви он пытался добиться от некоей национальной диаспоры выполнения уже принятого решения о передаче храма. Многих депутатов, в том числе и меня, предупреждали: туда не суйся, себе дороже...

Характерно, что при передаче храма производились выплаты из бюджета города на его ремонт и содержание, что при тогдашнем нищем городском бюджете было довольно разорительно. По-видимому, это были своеобразные компенсации за годы гонений на церковь при советской власти. Хотя могут быть и другие версии.

Характер кампанейщины носило и возвращение исторических названий улицам Москвы. Многие недоумевали: в чем его срочность, зачем из бюджета тратить на это деньги именно сейчас, к тому же москвичи активно возражали против этого. Но постепенно стало понятно, что все это – и передача храмов, и переименование улиц, и снос памятников – было элементами давно написанного кем-то плана, направленного на то, чтобы как можно скорее оборвать все связи с «проклятым» советским прошлым. План этот приводился в действие с военной чёткостью, неумолимо и методично. Вот только с памятниками что-то у них не заладилось, или заладилось не полностью.

Какие-то остатки контрольных полномочий у депутатов ещё были. Например, программы приватизации, когда попадали на рассмотрение Моссовета, обычно депутатами разносились в пух и

прах. Помню, как мы приостановили приватизацию ВДНХ, Театра зверей им. Дурова, многих рынков, заводов, детских садов.

Вот несколько колоритных историй той поры. Прибегает коллега и кричит: «Караул! Лужники приватизируют по цене восьми автомобилей «Жигули»! Надо срочно объявить стадион памятником истории и архитектуры и исключить из этого списка!» Так мы в комиссии по культуре и поступили. Стадион остался в городской собственности.

Таких «внезапных» постановок зданий на государственную охрану и других импровизаций было немало. Работали практически в режиме пожарной команды. Однажды утром открываю свежий план приватизации объектов городской собственности по ЦАО города Москвы. И не верю своим глазам: ГУМ, ЦУМ, Детский Мир, Большой театр, Малый театр... Звоню авторам документа. Они мне на голубом глазу говорят: «Произошла досадная техническая ошибка, машинистка в заглавии пропустила частицу «не». Читать надо так, что эти объекты НЕ подлежат приватизации!» До сих пор не уверена, ошибка ли это была.

Ещё одна история на тему приватизации. После того, как главный режиссёр «Театра на Таганке» Ю.П. Любимов попытался приватизировать театр и уволил половину труппы, Моссовету пришлось принимать нестандартное решение – создавать из уволенной части труппы новый театр «Содружество актёров Таганки». Решение принималось прямо на сессии Моссовета, и последующие 27 арбитражных судов, инициированных мэрией Москвы, это решение отменить не смогли.

Как раз в ходе этой истории я познакомилась с прекрасным человеком, актёром и режиссёром, последним министром культуры СССР Николаем Николаевичем Губенко. Спустя много лет, в 2005 году, став депутатом Мосгордумы, он пригласил меня на работу своим помощником, и эти 15 лет совместной работы, до его смерти в 2020 году, стали самыми значимыми для меня.

Именно Николай Николаевич оказал решающую помощь и поддержку в наших многолетних попытках политической реабилитации Моссовета. Обращаясь к депутатам Моссовета в 2013 году, он писал: «В трудную для театра минуту именно Моссовет пришёл нам на помощь и своими решениями сохранил его существование. С вами тоже поступили несправедливо. И я, со своей стороны, при первой возможности постарался исправить ситуацию».

Низкий ему поклон от всех депутатов Моссовета и вечная память!

Маленькое пояснение. Поскольку смена власти в Москве в 1993 году произошла, мягко говоря, неконституционно, то тема Моссовета на долгие годы была табуирована. При Лужкове – организаторе политического переворота в Москве – произносить это слово было неприлично. Документы Моссовета были либо уничтожены, либо засекречены. До сих пор не снят гриф секретности с многих материалов, касающихся приватизации московских предприятий, зданий, земельных участков.

Поэтому для того, чтобы вернуть тему Моссовета 21-го созыва в общественный дискурс, нужно было проявить определённое политическое мужество. Все-таки речь идёт об одном из самых позорных эпизодов в истории Москвы – силовом свержении законно избранной представительной власти.

То, что Н.Н. Губенко – многолетнему члену КПРФ, депутату Государственной Думы нескольких созывов, зампреду Московской городской Думы – такого мужества было не занимать, это понятно.

Но гораздо важнее здесь то, С.С. Собянин, сменивший Ю.М. Лужкова на посту мэра Москвы в 2009 году, такое мужество в себе нашёл. Указом от 2013 года он приравнял депутатов Моссовета к депутатам Мосгордумы в части их пенсионных прав, дав таким образом всем понять, что табу с темы Моссовета снято и город с одинаковым уважением относится ко всем поколениям своих депутатов и их труду. И это было справедливо и правильно.

После снятия этих идеологических барьеров тема «реабилитированного» Моссовета вскоре получила общественный отклик и внимание со стороны прессы, политиков, историков, музейных работников. Состоялось несколько торжественных вечеров, собраний, выставок, конференций, связанных с работой Моссовета 21-го созыва. Изданы сборники воспоминаний депутатов, ведётся работа с архивами, создана общественная организация «Наследие Моссовета», члены которой ведут эту работу. Книги, статьи, архивные документы, фото- и видеоматериалы на эту тему размещены на сайте

